

Зачем оставаться в тюрьме, когда дверь
открыта нараспашку?

Руми

Пролог

Ричард исполняет вторую часть шумановской Фантазии до мажор, соч. 17, последнего произведения своего сольного концерта, в Центре исполнительского искусства Адриенн Аршт в Майами. Билеты в концертный зал распроданы, но энергетики этой площадке не хватает. Ей недостает престижности, внушительного веса Линкольн-центра или Королевского Альберт-холла. Может, в том-то все и дело. Впрочем, в этом концерте нет ничего особенного.

За спиной Ричарда нет ни дирижера, ни оркестра, все взгляды зрителей устремлены исключительно на него. Ему это как раз по вкусу. Он обожает безраздельно владеть их вниманием, ощущать прилив адреналина, чувствовать себя звездой. Для него отыграть сольный концерт все равно что прыгнуть с парашютом.

Но на протяжении всего вечера Ричард замечал, что скользит по нотам, не погружаясь в них.

Мыслями витает где-то далеко, то думая о стойке, которым собирается поужинать в гостинице, то стесняясь своей неидеальной посадки, то критикуя плоскость своего исполнения. В общем, четко осознает себя, вместо того чтобы раствориться в музыке.

Технически к нему было не придраться. Немногие из ныне живущих пианистов могли бы отыграть такую сложную часть в столь требовательном темпе, да еще и без ошибок. Обычно ему нравится исполнять это произведение, в особенности помпезные аккорды его второй части, такой мощной и величественной. И все же он не чувствует ни малейшей эмоциональной связи с ней.

Ричард надеется на то, что бóльшая часть зрителей, если не все, не столь взыскательны, чтобы почувствовать разницу. Черт, да большинство из них, наверное, и не слыхивали никогда о шумановской Фантазии до мажор, соч. 17! У него всегда сердце разрывается, оттого что миллионы целыми днями внимают Джастину Биберу да так и умрут, ни разу в жизни не услышав ни Шумана, ни Листа, ни Шопена.

На ум приходит: «Носить кольцо еще не значит быть в браке». Об этом ему несколько лет назад заявила Карина. Сегодня вечером он как раз при кольце. И вовсе на этот счет не переживает, хоть и не знает точно почему. Сейчас доиграет эту последнюю композицию, а завтра вечером

здесь же даст себе еще один шанс, прежде чем сесть на самолет до Лос-Анджелеса. До окончания тура еще пять недель. Когда он вернется домой, уже наступит лето. Здорово. Он любит лето в Бостоне.

Ричард отыгрывает концовку адажио третьей части: звуки нежны, торжественны, исполнены надежды. На этом месте у него на глаза часто наворачивались слезы, он словно становился чувствительным проводником этой незащитной ранимости, выраженной столь изящно, — но сегодня вечером ничто его не трогает. Надежды не для него...

Звучит последняя нота, и этот звук задерживается на сцене, прежде чем рассеяться, расплыться. В зале повисает гробовая тишина, но через мгновение ее пузырь прорывается аплодисментами. Ричард стоит лицом к публике. Он сгибается в поклоне, задевая пальцами полы смокинга. Зрители встают с мест. Освещение в зале сейчас немного прибавили, и он видит их улыбающиеся, горящие воодушевлением лица. Они полны восхищения и благоговения перед ним. Ричард снова кланяется.

Он любим всеми.

И никем.

Спустя год

Глава 1

Если бы Карина выросла в другом месте, километров на пятнадцать севернее или южнее своего дома — в Гливице или Бытоме вместо Забже, — вся ее жизнь сложилась бы иначе. Даже будучи ребенком, она ни разу в этом не усомнилась. Местонахождение играет в судьбе ту же роль, что и в недвижимости.

В Гливице девочки занимались балетом по праву рождения. Балет там преподавала мисс Госья, бывшая прославленная прима-балерина Польского национального балета, еще до введенного из-за русских военного положения¹, и потому растить дочек во всех прочих отношениях угрюмом Гливице считалось преимуществом, исключительной привилегией, ведь девочки могли общаться со столь опытным преподавателем. Девочки здесь

¹ Имеется в виду военное положение 1981–1983 годов, введенное под предлогом защиты от советского вторжения. — *Здесь и далее примеч. перев.*

росли в трико, с пучком на голове и лелеяли прозрачную, как фатин¹, надежду однажды, выписывая пируэты, утанцевать прочь из Гливице. Не зная точно о дальнейшей судьбе тех маленьких балерин, Карина уверена, что большинство из них, если не все, остались крепко привязанными к месту, где все для них началось, и превратились в школьных учительниц или шахтерских жен, чьи несбывшиеся мечты о балетном будущем перешли по наследству их дочерям, следующему поколению воспитанниц мисс Гози.

Если бы Карина выросла в Гливице, кем она уж точно не стала бы, так это балериной. У нее ужасные ступни, широкие, несуразные лапы с почти полным отсутствием подъема, крепкий костяк с длинным туловищем и короткими ногами — тело, созданное коров доить, а не па-де-буре выделывать. Она никогда не пробилась бы в лучшие ученицы мисс Гози. Родители Карины прекратили бы выменивать драгоценный уголь и яйца на уроки балета задолго до того, как дело дошло бы до пуантов. Родись Карина в Гливице, там она и застряла бы навек.

А вот бытомских девочек не водили на уроки балета. В Бытоме у детей была католическая церковь. Мальчиков готовили к священству, девочек — к монастырю. Карина вполне могла бы

¹ *Фатин* — сетчатая ткань для пошива балетных пачек.

стать монахиней, если бы росла в Бытоме. Родители ужасно гордились бы ею. Может, выбери она Бога, и жизнь у нее была бы спокойной и добропорядочной.

Вот только жизнь ей, в общем-то, выбора не предоставила. Карина выросла в Забже, а в Забже проживал господин Боровиц, единственный в городе учитель по игре на фортепиано. У него не имелось ни авторитетного послужного списка, как у мисс Гози, ни специальной музыкальной студии. Занятия проходили в его гостиной, пованивающей кошачьей мочой, пожелтевшими книгами и сигаретами. Однако учителем господин Боровиц был прекрасным: преданным своему делу, строгим, но умеющим воодушевить. И что самое важное, всех своих учеников он учил играть Шопена. В Польше Шопена чтят наравне с папой Иоанном Павлом II и Господом Богом. Такая вот польская Святая Троица.

Пусть Карине от рождения не досталось гибкого тела балерины, она была одарена сильными руками и длинными пальцами пианистки. Карина до сих пор не забыла своего первого занятия с господином Боровицем. Ей было пять. Блестящие клавиши, мгновенное извлечение приятного звука, история из нот, рассказанная ее пальцами. Она сразу же всем этим прониклась. В отличие от большинства детей ее никогда не приходилось насильно усаживать за инструмент. Как раз на-

оборот, ее от него отрывали. «Заканчивай играть и займись домашним заданием. Заканчивай играть и накрой на стол. Заканчивай играть, пора спать». Сама она не могла не играть. До сих пор не может.

В конечном счете фортепиано стало ее билетом из удушливой Польши в Америку — к Кёртису¹ и ко всему, что будет потом. Ко *всему*, что будет потом. То единственное решение — научиться играть на фортепиано — запустило все последующие события, точно первая костяшка в цепи домино. Она ни за что не оказалась бы здесь, сейчас, на вечеринке Ханны Чу в честь окончания школы, не освоила она когда-то фортепиано.

Карина паркует свою «хонду» за «мерседесом», последним в ряду автомобилей, что выстроились паровозиком вдоль обочины, по меньшей мере за три квартала от дома Ханны — решает, что ближе не приткнуться. Бросает взгляд на часы на приборной панели. Опаздывает на полчаса. Ну и хорошо. Заглянет ненадолго, поздравит и откланяется.

Она идет, постукивая по асфальту каблучками, прямо человек-метроном, а ее мысли проскакивают в голове в такт шагам. Если бы не фортепиано,

¹ *Кёртис* — Кёртисовский институт музыки, штат Пенсильвания.

она бы никогда не повстречала Ричарда. Какой была бы тогда ее жизнь? Сколько часов Карина потратила, предаваясь этой фантазии? Если подсчитать, часы сложатся в дни и недели, а может, и того больше. Как много времени потрачено впустую... Что могло бы случиться. Чего никогда не случится.

Может, она была бы всем довольна на родине, покинутой ради дальнейшей учебы. Так и жила бы с родителями, спала бы в своей детской спальне. Или вышла бы замуж за какого-нибудь скучного мужичка из Забже, углекопа, зарабатывающего на жизнь пусть тяжелым, зато честным трудом, и стала бы домохозяйкой, посвятившей себя воспитанию пятерых детей. Оба этих безотрадных сценария импонируют ей сейчас благодаря одной общей черте, в привлекательности которой ей ужасно не хочется признаваться: в них нет одиночества.

А что было бы, поступи она в Истмен¹ вместо Кёртиса? Ведь так почти и получилось. Единственный, случайный выбор. Она никогда не встретила бы Ричарда. Никогда не отступила бы, вообразив, с надменным и неувядаемым оптимизмом своих двадцати пяти лет, что ей выпадет еще один шанс, что колесо фортуны, вращаясь, со щелчком остановится и его всемогущая стрел-

¹ *Истмен* — Истменская школа музыки, штат Нью-Йорк.

ка укажет прямо на нее. Следующего оборота она прождала годы. Иногда это происходит в жизни только единожды.

Но в то же время, не познакомься она с Ричардом, не было бы на белом свете их дочери Грейс. Карина представляет себе другую реальность, в которой ее единственная дочь так и не родилась, и ловит себя на том, что такая версия событий кажется ей заманчивой, едва ли не желанной. Карина одергивает себя, устыдившись, что допустила столь жуткую мысль. Она любит Грейс больше всего на свете. Однако, по правде говоря, рождение Грейс стало в ее жизни еще одним поворотным пунктом, перепутьем, переломным моментом вроде «родись она в Гливице, Бытоме или Забже». *Левая* дорожка привела ее к Грейс, а саму Карину привязала к Ричарду туго затянутой на шее веревкой на манер поводка — или удавки, день на день не приходится — на последующие семнадцать лет. *Правая* — так и осталась невыбранной. Кто знает, куда бы она могла завести?

Сожаление омрачает каждый шаг, тащится верным псом по пятам, пока Карина шагает по извилистой, вымощенной камнем дорожке, ведущей на задний двор семейства Чу. Ханну приняли в Нотр-Дам¹, куда она и хотела. Еще одна учени-

¹ *Нотр-Дам* — здесь: Университет Нотр-Дам-дю-Лак, штат Индиана.

ца уезжает учиться в колледж... Там Ханна забросит свои занятия фортепиано. Как и большинство учеников Карины, Ханна брала уроки только потому, что ей хотелось включить строчку «играю на фортепиано» в свои заявления на поступление в колледж. Ее родители преследовали ту же самую цель, часто в разы более напористо и беззастенчиво. Поэтому Ханна занималась только для проформы, а их еженедельные получасовые встречи были скучной повинностью как для ученицы, так и для учительницы.

Мало кому из Карининых учеников искренне нравится фортепиано, хотя у парочки даже обнаружили способности и талант, но ни один из них не любит инструмент настолько, чтобы заниматься им всерьез. А его нужно любить. Да Карина их и не винит. Эти ребята загружены сверх меры, вымотаны и слишком зациклены на том, чтобы попасть в «самый лучший» университет, у них нет сил на серьезное увлечение. Цветку не вырасти из семечка без любви — ему требуются постоянная забота, солнце и вода.

Но Ханна не просто одна из Карининых учениц. Ханна была закадычной подругой Грейс с шести лет до окончания средней школы. Хождения друг к другу в гости, совместные ночевки, герлскауты, футбол, походы в торговый центр и в кино — на протяжении почти всех детских лет Ханна для Грейс была все равно что младшей

сестрой. Когда Грейс перешла в старшие классы, а Ханна осталась учиться в средней школе, само собой так получилось, что у каждой из девочек образовался собственный круг общения со сверстниками. Все обошлось без выяснения отношений. Напротив, спокойным течением подруг — и они не сопротивлялись — отнесло на разные, хоть и соседние острова. Правда, иногда они по-прежнему навещали друг друга дома.

Такая важная веха в жизни Ханны, как окончание школы, не должна была бы иметь для Карины большого значения, но по ощущениям кажется чем-то эпохальным, словно это потеря существеннее очередной поступившей в колледж ученицы. Накатывают прошлогодние воспоминания той же поры, и она снова переживает, что у Грейс кончается детство. Карина со вздохом оставляет поздравительную открытку для Ханны на столе с подарками.

Хотя вечеринка бурлит в дальнем конце просторного заднего двора, Карина сразу же находит глазами виновницу торжества: та стоит на самом краю trampлина, смеется, а выстроившиеся в линию за ее спиной мокрые девушки и парни — хотя парни в основном плещутся в бассейне — выкрикивают ее имя, подначивая на что-то. Карина ждет, чтобы понять, на что именно. Ханна подпрыгивает в воздух и плюхается бомбочкой в воду, окатывая брызгами собравшихся у бассейна ро-

дителей. Те ворчат, отирая воду с рук и лиц, но улыбаются. День выдался жарким, и секундный душ, наверное, показался взрослым гостям освежающим. Карина замечает среди них мать Ханны, Пэм.

Теперь, когда Ханна перебирается в Индиану, Карина подозревает, что вообще перестанет видаться с Пэм. Не так давно, вскоре после того, как Грейс перешла в старшие классы, они забросили свои винные посиделки по четвергам. За последнюю пару лет их дружба скатилась до редких, кратких и малозначащих встреч до или после еженедельных фортепианных уроков Ханны. У Пэм было трое детей, и в ее обязанности входила развозка их по всему городу в соответствии с сумасшедшим графиком дополнительных занятий; из-за вечной спешки она не могла забежать к подруге даже на минутку и ждала Ханну в машине, не заглушая двигателя. Карина махала ей из входной двери каждый вторник в 17:30, когда Пэм отъезжала от ее дома.

Карина едва решилась прийти сегодня. Она смущается оттого, что явилась одна. Интроверт по натуре, она и о браке-то своем особо не распространялась, а уж о разводе и вовсе молчком молчала. Если предположить, что Ричард тоже держал рот на замке, а в этом можно было не сомневаться, подробностей так никто и не знает. Однако сплетники всегда раздуют драму на пустом месте.

Должен же кто-то быть прав, а кто-то виноват. По взглядам украдкой, стихнувшим разговорам и натянутым, пластмассовым улыбкам Карина понимает, какая из ролей выпала ей.

Особенно ему сочувствуют женщины. Ну разумеется. В их представлении Ричард — окруженная сакральным ореолом знаменитость. Потому он и заслуживает половины более утонченной, способной отдать должное его незаурядности, — словом, рядом с ним должна быть женщина соответствующего уровня. Им кажется, будто Карина завидует его достижениям, злится из-за его успеха и тяжело переживает его славу. Она же всего-навсего захудалая провинциальная училка, натаскивающая равнодушных шестнадцатилеток бряцать Шопена на пианино. Ей явно не хватает чувства собственного достоинства, для того чтобы быть супругой столь великого человека.

Да что они знают?! Ни черта они не знают!

Грейс только закончила первый курс Университета Чикаго. Карина предполагала, что дочь к этому времени уже вернется домой и придет на праздник к Ханне, но Грейс решила остаться на все лето в кампусе и поучаствовать в каком-то проекте под началом своего профессора математики. Что-то связанное со статистикой. Карина гордится, что дочь взяли на стажировку, и считает, что это отличная возможность показать себя, но все же живот ее болезненно крутит — знакомая реакция

на неоправдавшиеся ожидания. Грейс могла бы решить иначе и приехать домой, чтобы провести лето с матерью, но она этого не сделала. Карина знает, что чувствовать себя обойденной вниманием, даже брошенной, просто смешно, но эмоции у нее берут верх над разумом. Так уж она устроена, а характер ее можно сравнить с мощной крепостью, опоры которой незыблемы.

Развод был окончательно оформлен в сентябре того года, когда Грейс училась в выпускном классе, а ровно через год она уехала за тысячу миль. Сначала ушел Ричард. Потом Грейс. Карина гадает, когда сможет привыкнуть к воцарившейся в ее доме тишине, к пустоте, к воспоминаниям, хранящимся в каждой комнате и не менее реальным, чем картины на стенах. Она скучает по голосу дочери, болтающей по телефону, по ее хихикающим подругам, по ее обуви в каждой комнате, по валяющимся на полу резинкам для волос, полотенцам и одежде, по свету, который забыли выключить. Она скучает по дочери.

Но не по Ричарду. Когда он выехал, его отсутствие ощущалось скорее как присутствие чего-то нового. Сладостное спокойствие, которое установилось после того, как он ушел, заполнило больше места, чем когда-либо занимали его человеческое обличье и непомерное эго. Она не скучала по нему тогда, не скучает и сейчас.